

Великий писатель-реалист

(К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского)

И в своих художественных произведениях и в «Дневнике писателя» Федор Михайлович Достоевский не раз вспоминал этот день — самый страшный день в его изобиловавшей драматическими моментами жизни.

Это был морозный день 22 декабря 1849 года. Осужденных по делу Петрашевского — двадцать человек — вывели на Семеновский плац. Там были врыты невысокие столбы, за ними выкопаны могилы. Расстреливать должны были трое. Достоевский стоял восьмым — значит, он должен был войти в третью тройку.

Прочтали приговор. Первых троих «преступников» привязали к столбам. Раздалась барабанная дробь, солдаты подняли ружья. Толпа замерла в ожидании залпа. И только тогда раздалась команда: «Отставить!» — и аудитор прочел приговор, заменявший смертную казнь каторгой. Когда осужденных отвязывали от столбов, выяснилось, что один из них — Н. П. Григорьев — сошел с ума...

Эта гнусная пытка была выдумана Николаем I, чтобы сломить волю людей, посмевших мечтать об установлении «золотого века» на земле.

На первый взгляд может показаться, что в отношении Достоевского этот расчет царского правительства полностью оправдался. В тот страшный день на Семеновском плацу и последовавшие за ним долгие годы каторги он духовно надломился. Он никогда больше не вернулся к социалистическим — довольно туманным, правда, — мечтаньям своей молодости. По возвращении из каторги писатель занял реакционную позицию. Разуверившись в возможности борьбы с царствующим в буржуазно-помещичьем мире злом, он звал простых людей к смиреннию, звал к примирению народа и «высших классов». Он запятнал себя выступлениями против революционно-демократического лагеря, дружкой с махровыми реакционерами типа Мещерского и Победоносцева. Это — правда о Достоевском.

Но это не вся правда о нем. Будь это всей правдой, мы не могли бы так чтить его память. Самое большее — вспоминали бы, как об одной из многочисленных жертв царского деспотизма. Но в том-то и сложность облика Достоевского, что, несмотря на все его реакционные вывихи, он остался в памяти народа как художник-победитель, сумевший — каковы бы ни были его субъективные устремления — в своих произведениях рассказать огромную, суровую и горькую правду о судьбе человека в мире, которым правит собственность, в мире, где человек человеку волк, рассказать с такой потрясающей силой, которая поставила эти произведения рядом с самыми недосгаемыми вершинами русской и мировой литературы.

Мы все любим первое произведение Достоевского — повесть «Бедные люди», — обладающее наиболее ясной демократической направленностью, последовательным гуманизмом. Но все же нетрудно разглядеть, какая дистанция поистине огромного размера отделяет «Бедных людей» от великих романов-трагедий позднего Достоевского, таких как «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы». А между тем именно этими книгами писатель хотел утвердить свои реакционные идеи.

Но писатель-реалист, воспитанный на традициях великой и правдивой русской литературы, преклонявшийся перед Пушкиным, с гордостью подчеркивавший свою идейно-художественную связь с Гоголем, не мог — даже если хотел — изменить правде жизни. Она прорывалась в его книгах с могучей силой, опрокидывая все ложные философские установки писателя.

Он хотел в «Преступлении и наказании» показать «опасность» «нигилизма» революционеров-шестидесятников, который в его логическом развитии должен был якобы привести к лозунгу «все дозволено», — а в действительности показал подлинный нигилизм и аморальность капиталистического общества — и мало того — вынужден был подчеркнуть, что теории Раскольникова ничего не имеют общего с социалистическими устремлениями.

В «Идиоте» Достоевский хотел нарисовать в соответствии со своими идеалами образ «положительно прекрасного» человека, побеждающего всех своим христианским всепрощением, — а правда жизни заставила его нарисовать князя Мышкина человеком, абсолютно неспособным разрешить жизненные противоречия, заставила показать, что путь всепрощения может привести только к полному духовному распаду и безумию.

А в «Братьях Карамазовых» — и это, может быть, самая огромная победа реализма Достоевского — в романе, который должен был по замыслу писателя доказать, что единственное спасение человека в этом «греховном» мире — в церковной морали — правда жизни заставила его подняться в монологах Ивана Карамазова до такого сокрушительного убийственного разоблачения лжи всякой религии, которое сметает все ошибочные теоретические построения самого писателя, как карточные домики.

Как известно, в этом романе Иван Карамазов в споре со своим братом Алексеем на минуту соглашается признать правильными все построения христианской религии и спрашивает: как же религия может объяснить, нравственно оправдать страдания детей, которых сама признает безгрешными? Он рассказывает одну потрясающую историю из времени крепостного права — о помещике, затравившем собаками на глазах у матери крестьянского мальчика. По христианской морали должен быть «прощен» и этот помещик. Но если для достижения будущей гармонии нужно прощать таких людей, забывать такое страдание, то Иван отвергает такую безнравственную «гар-

монию», «возвращает богу билет» в райские сады, купленный этой ценой.

И характерно, что выразитель идей самого Достоевского Алеша не может здесь не согласиться с Иваном. На вопрос Ивана: что же сделать «для удовлетворения нравственного чувства» с этим помещиком? — Алеша вынужден ответить: «Расстрелять».

Так — опять-таки вопреки своим субъективным замыслам — Достоевский был вынужден провозгласить подлинно революционную мораль — мораль непростения мучителям народа.

Идейное содержание произведений Достоевского крайне сложно. Великий художник-реалист постоянно вел в них борьбу с реакционным публицистом. Поэтому мы много отвергаем в этих произведениях, много переосмысливаем по-своему. Но ту жгучую критику собственного эгоистического общества, которая содержится в них, мы принимаем целиком.

Достоевский огромную любовь любил Человека (кстати, он первый употребил это слово с большой буквы). Но отказавшись от социализма, отвернувшись от революционного пути борьбы за преобразование мира, он потерял реальные пути, которые могли бы вывести его героев из того страшного и душевного мира, где они вынуждены жить. Для героев Достоевского остается только два выхода: или быть жертвами этого порядка вещей или стать самим мучителями других людей. Наполеоном (о чем мечтает Раскольников) или Ротшильдом (к чему стремится Подросток). С гениальной прозорливостью сближает Достоевский в качестве хозяев собственнического мира образы буржуазного завоевателя и банкира. Положение жертвы, маленького человека в этом мире ужасно. С потрясающей силой рисует писатель картины нищеты и бесправия простых людей в капиталистическом обществе, где все, вплоть до чувств людей, становится предметом купли-продажи. Но положение жертвы, по Достоевскому, все-таки остается единственным, достойным человека, так как, становясь хищником, он отказывается от всего человеческого в себе. На это способны лишь совершенно опустошенные духовно циники. Раскольников же, например, попытавшийся стать «Наполеоном», понял, что не может убить в себе Человека, не может забыть принципы гуманизма.

Передовым людям, современникам Достоевского, была, конечно, чужда безысходность его творчества, они отвергали его выводы. Но та правда, которую рассказывал писатель о страданиях Человека в мире хищников и жертв, несомненно оказывала революционизирующее влияние.

Достоевский — гениальный мастер романа. Недаром Горький указывал, что по художественной изобразительности русского писателя можно поставить наравне с Шекспиром. Он всегда стремился показать жизнь в ее острейших столкновениях и противоречиях. Он обладал огромным умением выбирать такие конфликты, которые наиболее полно передают «дух времени», основные исторические тенденции изображаемой эпохи. Общезвестно влияние творчества Достоевского на ряд писателей России и Запада.

Мораль всепрощения — не наша мораль. Не собираемся мы прощать и Достоевскому его ошибки, его выпады против революции и социализма. Но мы никогда не откажемся от того огромного художественного богатства, какое представляет его творчество. Оно всегда будет вооружать нас ненавистью против «свинцовых мерзостей» старого мира.

П. КОСЕНКО.